А. М. Зеленокоренный

О НЕКОТОРЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Лексика «Слова о полку Игореве» всегда привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей своим богатством и многоплановостью.

Особый интерес вызывают слова и выражения, в других памятниках письменности не встречающиеся, а также слова, содержание которых, несмотря на прежнюю «оболочку», претерпело с течением времени кардинальные изменения.

Большинство исследователей исходило и исходит из того, что «изучение лексики "Слова", — как отмечал И. П. Еремин, — открывает блестящие перспективы для толкования его текста, позволяет по-новому прочесть места, давно кажущиеся ясными»[1]. Не стоит поэтому удивляться, что постоянно появляются все новые и новые, часто более удачные варианты переводов отдельных слов и фраз, хотя прежние переводы в течение длительного времени казались единственно правильными и, по этой причине, незыблемыми. Примером могут служить некоторые фразы из следующего обращения к князьям:

Ярославе и вси внуце Всеславли!
Уже понизить стязи свои,
вонзить свои мечи вережени!
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.

О них и пойдет речь в настоящей статье.

I. «Понизить стязи»

Мало, пожалуй, найдется других словосочетаний, которые могли бы «похвастаться» таким обилием вариантов перевода, как это.

Со словом «стяг» никаких проблем не было. В древнерусской письменности домонгольского периода оно встречается в основном в двух значениях: боевой отряд, подразделение и боевое знамя. В рассматриваемом отрывке слово «стязи» употреблено в значении «боевые знамена».

Совсем другое дело с глаголом «понизить». Мало того, что в ходе большинства переизданий первопечатного текста «Слова» у этого глагола стали заменять окончание -ТЬ на -ТЕ, так возникли еще и большие трудности с переводом его на современный русский язык[2].

В древнерусских памятниках письменности этот глагол встречается крайне редко, и то только в переносном значении. Известно его употребление в «Изборнике» 1076 г.: «Боуди пониженъ главою, высокъ же оумьмь». Поэтому содержание глагола «понизить» переводчикам пришлось определять только по контексту, в котором он встретился в «Слове о полку Игореве».

В. В. Колесов обратил внимание на то, что в «Слове» «глаголы без приставки обычно сохраняют свое конкретное значение, а приставки (“при”, “по”) сообщают им новые качества, в основном с переносными значениями»[3]. В этот ряд можно поставить и глагол «понизить» («низить» с приставкой «по»). Из этого следует, что как в приведенном выше примере из «Изборника» 1076 г. («пониженъ главою»), так и во фразе «понизить стязи» глагол употреблен в переносном значении. Именно это обстоятельство и вызвало такой разнобой в переводе его на «употребляемое ныне наречие».

Обращает на себя внимание факт замены во многих переводах глагола «понизить» различными синонимами. По-видимому уже в конце XVIII – начале XIX в. сочетание «понизить стяги» «резало слух» как первым издателям, так и многим переводчикам, в связи с чем и стала проводиться замена глагола другими глаголами, близкими по значению; можно предположить, что он

рано ушел из военной лексики, в сочетании со стягом он нигде больше не встречается.

В настоящее время глагол «понизить» стал малоупотребителен, имеет значение 'сделать более низким', приобретя, таким образом, характер почти специфического технического термина («понизить напряжение тока», «понизить цены» и т. д.).

Выбор синонима глаголу «понизить» отражает как разное понимание переводчиками смысла обращения к князьям, так и, не в последнюю очередь, разную степень знакомства с воинской терминологией.

Важность знания специфической терминологии переводчиками очень хорошо подчеркнул А. М. Камчатнов. Он отметил ряд требований, которые должны предъявляться переводчику древнего текста. Среди них, как пишет А. М. Камчатнов, «необходимо знание той терминосистемы, которая выражает те же понятия на современном русском языке. Наконец, общим требованием является знание того предмета, которому посвящен исследуемый текст»[4].

Часто, однако, эти требования нарушаются.

Встречаются переводы, в которых глагол «понизить» сохраняется в неизменном виде и не заменяется синонимом. Очевидно, переводчики усматривают в этом выражении только механическое действие по опусканию полотнища знамени («стяга»), отказывая ему в метафоричности (Н. Ф. Грамматик, О. Ф. Миллер, Г. П. Шторм в 1934–38 гг. и др.)[5].

Некоторые переводчики в качестве синонимов берут такие глаголы, которые в сочетании со знаменем обычно употребляются при траурных церемониях («склонить стяги», «склонить к сырой земле знамена», «приспустить знамена» и т. д.)[6]. Подобные переводы оказали влияние и на составительницу «Словаря-справочника "Слова о полку Игореве"» В. Л. Виноградову. В качестве основных синонимов для глагола «понизить» она взяла глаголы «склонить» и «опустить»[7].

Между тем, в воинской практике знамена «склоняются» только при отдании почестей памятникам и во время похорон при опускании гроба в могилу (ст. 353 и 359 Устава гарнизонной и караульной службы ВС РФ)[8], а приспускаются – в знак государственного траура.

Прямым оскорблением в адрес названных князей звучит такой, например, перевод: «Стяг ваш в лохмах, меч лишь годен на изруб»[9].

Среди современных переводчиков довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой глагол «понизить» в сочетании со стягом имеет лишь одно значение — «признание поражения»[10]. При этом глагол «понизить» неоправданно приравнивается по своему содержанию к отсутствующим в «Слове» глаголам «повергнуть» и «бросить». Представляется, что взгляд на него как на признание поражения не совсем правильно передает содержание рассматриваемого обращения к князьям.

Здесь чувствуется определенное влияние позиции Е. В. Барсова, который, считая Ярослава одним из полоцких князей, усматривал в выражении «понизить стязи» совет «всеславовым внукам сложить свое оружие»[11]. Это положение, никак Е. В. Барсовым не аргументированное, не нашло особой поддержки у других исследователей, поскольку совсем не увязывалось с упоминанием в этом обращении половцев и «Руской земли». Слишком далеко находились полоцкие князья от Степи.

Взгляд на выражение «понизить стязи» как на признание поражения приводит его сторонников к утверждению о том, что все князья-адресаты данного обращения призываются взаимно признать себя побежденными[12]. Но ничего подобного в рассматриваемом тексте нет. С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Сомнительно, что во второй половине XII века можно было обратиться к князьям с призывом признать свое поражение. Это был период расцвета культа княжеской чести и славы, что подтверждается многочисленными примерами из древнерусских письменных источников.

Достаточно привести ответ смоленских князей на ультиматум Андрея Боголюбского, требовавшего в 1172 г. сдать крепость Вышгород: «мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ!»[13]

Герой «Слова» князь Игорь и его союзники, отправляясь в свой, ставший неудачным, поход, заявляли: «Пойдем тако же особе, хвалы добудемъ»[14]. По версии Ипатьевской летописи,

Игорь, оказавшись в плену, полагал, что Бог наказал его не за поиск славы себе, в чем его обвинял великий киевский князь Святослав, а за «разорение христиан» в междоусобных войнах.

В «Русской Правде» имелись статьи, предусматривавшие суровые санкции за ущерб, причиненный чести князя[15]. Да и само «Слово о полку Игореве», по ставшей классической оценке В. Ф. Ржиги, «является высшей ступенью расцвета того песнотворчества славы, которое культивировалось в княжеской среде феодальной Киевской Руси»[16].

Так обстоит дело с якобы имевшим место призывом к князьям «признать собственное поражение».

Скорее всего, выражение «понизить стязи» употреблено иносказательно, метафорически, в смысле 'прекратить крамолы', 'прекратить междоусобицы', для начала которых стяги «ставились» или «наволачивались». В этом заключается весь пафос рассматриваемого обращения к князьям, поскольку княжеские «крамолы» мешали организации совместного отпора агрессивным соседям как на востоке (половцам), так и на западе (литовским племенам).

Для выражения мысли автора «Слова о полку Игореве» современными лексическими средствами более подходящими были бы слова «свернуть знамена», «свернуть стяги» или, как у А. Ф. Вельтмана, «сложить» их.

В нынешней воинской практике выражение «свернуть знамена» означает завершение или прекращение какого-либо мероприятия, если для его проведения знамена выносились из мест хранения и «развертывались» (ст. 15 Устава внутренней службы ВС РФ)[17].

2. «Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ»

Фраза эта переводится почти единообразно, без особых вариантов, начиная с первых издателей «Слова о полку Игореве».

Смысл, который вкладывает в нее большинство исследователей и переводчиков, состоит в том, что князья — Ярослав и внуки Всеслава — стали недостойны славы, заслуженной их «дедами» на поле брани, не дотянули до нее, как будто даже опозорили своих дедов.

Наиболее полно эту мысль выразил Л. А. Дмитриев, считавший, что «внуки» «очень далеко отошли от славы дедов; недостойны, лишились славы дедов, т. к. навели поганых на Русскую землю» [18].

Имеющиеся многочисленные переводы, единые по смыслу, различаются лишь синонимами, употребляемыми вместо непонравившегося глагола «выскочисте» (аорист, 2-е л., мн. ч.): «отскочили вы от дедовской славы» (В. А. Жуковский); «лишились вы славы дедов», «погубили славу, перешедшую от дедов» (Д. С. Лихачев); «выпали из дедовой славы» (Г. П. Шторм) и т. д. [19] А. К. Югов, полагавший, что внуки просто «отвержены от дедовской славы», резко возражал против употребления глаголов «выскочить», «выпасть» и др., считая их далее «комическими», поскольку они являются показателем «буквализма в переводе», а буквализм – это, по его мнению, «враг поэзии подлинника». «Зачем же, спрашивается, в трагическую скорбную укоризну вносить комический элемент?!» [20]. В этих словах виден намек на варианты переводов Г. Шторма и Д. С. Лихачева, с которыми он не был согласен. Однако возражений против самого смысла переводов не было.

Между тем, как становится очевидным, в имеющихся переводах допускается смешение понятий. Большинство исследователей имеет в виду боевую бранную славу дедов. Д. С. Лихачев, например, прямо говорит об этом в «Объяснительном переводе»: «Ибо лишились вы [подлинной боевой] славы ваших дедов» [21]. А ведь в рассматриваемом обращении к князьям речь идет совсем о другой их славе, гордиться которой нет никакого резона. Это не такой случай, как, например, с черниговскими воями, которые «полки побеждают, гремячи в прадеднюю славу».

И в самом деле, в этом обращении князья-адресаты – Ярослав и внуки Всеслава – призывались «понизить стязи» и «вонзить мечи», т. е. покончить с крамолами, мешавшими организации совместного отпора «поганым». Вместо участия в совместных действиях названные князья сами наводят «поганых» на свои земли. Именно в этом смысл обращения:

Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами

начасте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.

Так о какой же славе идет здесь речь? Чем же «славным» отличались деды «нынешних» князей? На чем особенно акцентирует внимание автор «Слова»?

В «Слове о полку Игореве» много говорится о «дедах», об их «славе», однако в большинстве случаев это слава дурная, недостойная для подражания. Это «слава» тех, кто первым начал междоусобицы, кто первым привел половцев на Русскую землю.

Особенно негативно в этом плане характеризуется Олег Святославич, не случайно названный Гориславичем.

Той бо Олег мечемъ крамолу коваше,
и стрелы по земли сѣяше.

И далее:

Тогда при Олзѣ Гориславичи
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждь-Божа внука,
въ княжих крамолахъ
вѣци человѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли
рѣтко ратаѣвѣ кикахуть.

Такова слава одного из «дедов» — Олега Святославича.

А какова слава Всеслава Брячиславича, «деда» князей Полоцкой земли? Он, хоть и случайно, но хитростью («клюками») стал великим киевским князем, а до этого отличился в междоусобицах, причем превзошел в этом деле даже Ярослава Мудрого: «расшибе славу Ярославу». Известно, что Всеслав разграбил собор св. Софии в Новгороде, снял и увез в Полоцк ее колокола.

Нельзя не согласиться с А. М. Ранчиным, когда он пишет, что «В “Слове” изображено не “братолюбие”, а, напротив, распри “старых князей”». И далее: «Из всех событий времени “дедов” автор “Слова” описывает только междоусобные столкновения Олега и Ярославичей, Всеслава и сыновей Ярослава, рисуя страшные картины кровавых битв на Нежатиной Ниве и на Немиге» [22].

Итак, в свете вышесказанного никак нельзя утверждать, что внуки «не дотянули» до этой «славы» дедов, что внуки «очень далеко отошли» от нее. Хотя в «Слове» и не упоминается ни одно конкретное боевое столкновение между «нынешними» князьями, но в рассматриваемом обращении внуки прямо упрекаются в «крамолах», в ходе которых князья «наводят поганых» на свои земли, т. е. поступают точно так же, как и их деды.

Но деды «нынешних» князей тоже не были родоначальниками крамол.

В «Слове о полку Игореве» хорошо показано, что такими родоначальниками были «деды» нынешних «дедов», жившие в «лета Ярослава», т. е. прадеды и прапрадеды Ярослава и полоцких князей. Это – и сам «старый Ярослав» (Ярослав Мудрый), и его брат «Храбрый Мстислав», и его племянник Роман Святославич – «Красный Роман». Именно их воспевал Боян как героев «първых временъ усобицѣ». И не случайно восклицает автор «Слова»:

О! Стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину
и пръвых князей.

Именно «стонати»!

История помнит кровопролитную войну между Ярославом Мудрым и его братом Мстиславом Храбрым, в результате которой Киевская Русь оказалась разделенной по Днепру. Правобережье досталось Ярославу, а левобережье – Мстиславу. История помнит и трагическую гибель Романа в ходе одной из междоусобиц.

Таковы были «прадеды». Значит, родоначальниками усобиц, как показывает автор «Слова», были «первые князья». Этих князей воспевал Боян, струны которого «сами княземъ славу рокотаху».

Разве, в этом свете, «правнуки» оказались хуже своих «прадедов»? Такие же усобицы, такие же «крамолы».

Однако, в отличие от Бояна, автор «Слова» резко осуждает междоусобицы «отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря», и в этом видится разница в подходе двух поэтов к княжеским крамолам, разница в их гражданской позиции.

По мнению автора «Слова», Бояну ничего бы не стоило воспеть, прославить («ущекотатъ») и сепаратный поход Игоря.

По оценке Б. А. Рыбакова, «автор гневно осуждает княжеские усобицы в прошлом и настоящем, призывает князей сплотиться в едином походе против половцев»[23].

Струны автора «Слова» не «рокочут» славу современным ему князьям, особенно тем, кто ведет «крамолы». Он ясно видит причину навалившихся на Русскую землю бед:

Усобица княземъ на поганыя погыбе.

Создается впечатление, что, по оценке автора «Слова», Ярослав и полоцкие князья сделали больше, чем их деды, в разжигании междоусобиц, что они превзошли своих дедов в такой «славе». Рамки дедовской славы оказались тесными для внуков, поэтому внуки и выскочили из этих рамок.

В результате деяний внуков

погании съ всехъ странъ
прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

Если раньше, при дедах, «поганые» приходили чаще всего по приглашению русских князей как союзники в межкняжеской борьбе, то теперь, при внуках, они самостоятельно хозяйничают в княжеских владениях:

а князи сами на себе крамолу коваху;
а погании сами побѣдами нарищуще.

По Руской земли прострошася Половци,
аки пардуже гнездо.

По Рси, по Сули гради поделиша.

Таким представляется смысл фразы, в которой говорится, что нынешние князья «выскочили из дедовской славы».

Совсем по-другому стоит вопрос когда речь идет о личной боевой, ратной славе дедов. Эта «слава» тоже подчеркивается, и внуки здесь оказываются на должной высоте. Достаточно вспомнить и Святослава Киевского, который «притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Поло-

вецкую; притопта хлъми и яругы; взмути реки и озера; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже»; и Буй-Тура Всеволода, который прыщет стрелами, «забывъ чти и живота, и града Чрънигова, огня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая»; и самого князя Игоря, который «плъкы заворочаетъ»; и черниговские вои, которые «без щитов, с засапожниками полки побеждают, звонячи в прадеднюю славу» [24].

В этой связи трудно согласиться с мнением, высказанным А. М. Ранчиным в уже упоминавшейся работе, о том, что в «Слове» «время Всеслава и Ярослава явно противопоставлено нынешнему как героическое бесславному» [25]. Нет никакого сомнения в том, что автор совсем не идеализирует прошлое. Совершенно прав Б. А. Рыбаков, когда пишет: «Противопоставлял ли он (автор “Слова”. — *А. З.*) свое время старому, осуждая новое и идеализируя прошлое? Нет, ничего этого мы в “Слове о полку Игореве” не найдем. Его автора заботит лишь одно — опасность разрозненных сепаратных действий князей и настоятельная необходимость в условиях нового половецкого натиска 1170—1180-х годов объединения ими своих полков» [26].

3. Об одном замечании А. С. Пушкина к переводу «Слова о полку Игореве»

А. С. Пушкин в последние годы своей жизни проявлял повышенный интерес к «Слову о полку Игореве». Он, в частности, внимательно ознакомился с переводом «Слова», выполненным В. А. Жуковским, и сделал многочисленные замечания. Одно из них представляется весьма любопытным.

Выше уже говорилось о трудностях при переводе на современный русский язык глагола «понизить» во фразе «уже понизить стязи свои». Столь же трудным здесь оказалось и наречие «уже», поскольку оно чрезвычайно редко употреблялось непосредственно перед инфинитивом и перед повелительным наклонением. Обычно между ними встает какое-нибудь другое слово.

И сейчас, правда, можно встретить переводы с «уже» непосредственно перед повелительным наклонением («уже склоните

стяги свои»), отчего фраза звучит несовременно, хотя и считается переведенной на современный русский язык[27].

Многих переводчиков смущал внешне противоречивый факт употребления этого наречия, выражающего прошедшее, свершившееся действие, в сочетании с глаголом, означающим действие еще только ожидаемое (т. е. сочетание прошедшего с будущим). Часть переводчиков отбрасывает это наречие совсем, полагая, по-видимому, что оно не влияет на содержание отрывка (хотя «уже», по удачному определению Т. М. Николаевой, является «специфической словарной меткой эмоционально насыщенных контекстов»)[28].

Некоторые переводчики заменяют его другим наречием, частицей или даже глаголом. К этой группе относятся первые издатели («теперь приклоните...»), В. А. Жуковский («пришло преклонить...») и др.

В. А. Жуковский заменил в своем переводе наречие «уже» глаголом «прийти» в прошедшем времени — «пришло», а синонимом к глаголу «понизить» взял глагол «преклонить»:

Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные.

Здесь, в отличие от первопечатного текста 1800 г., действие представлено завершенным, князья как бы уже «преклонили стяги» (хотя, возможно, В. А. Жуковский вкладывал в форму «пришло» значение «настало время», «пришла пора»).

Именно к переводу данного отрывка относится одно из самых любопытных замечаний А. С. Пушкина. В находившейся у него писарской копии перевода В. А. Жуковского А. С. Пушкин заменил слово «пришло» на «пришлось». Кроме того, он счел более правильным писать в переводе не «внуки Всеславли», а «внуки Всеслава»[29].

Из этого следует, что перевод отрывка представлялся А. С. Пушкину примерно таким:

Ярослав и все внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные.

При таком варианте перевода завершенность действия в рассматриваемом отрывке становится еще более акцентированной, чем у В. А. Жуковского.

Можно предположить, что А. С. Пушкин увидел здесь не призыв к князьям-адресатам прекратить усобицы («крамолы»), не указание на действие, которое должно было свершиться только в будущем, а констатацию факта, т. е. указание на уже свершившееся действие. Другими словами, при таком предполагаемом варианте перевода нет призыва покончить с «крамолами», а есть сообщение о том, что и Ярослав, и внуки Всеслава уже прекратили усобицы именно из-за осознания того, что они «отскочили от дедовской славы».

В результате мог бы получиться любопытный перевод, непривычный для восприятия современным читателем «Слова о полку Игореве» и отличающийся от других переводов в пору, когда серьезные исследования лексики памятника только начинались.

В заключение можно сделать общий вывод о том, что многозначность лексики «Слова» дает возможность по-новому осмысливать содержание многих имеющихся в нем слов и выражений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987. С. 107.

[2] *Зеленокоренный А. М.* О глаголах «понизить» и «вонзить» в «Слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 33—35. Следует согласиться с мнением И. А. Мещерского и А. А. Бурыкина о том, что «иногда даже хорошо известные конъектуры нуждаются в дополнительных комментариях палеографического и филологического характера» (см.: *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 93).

[3] *Колесов В. В.* Лексика «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995. С. 143.

[4] *Камчатнов А. М.* Фюсовская терминология Изборника Святослава 1073 г. и ее перевод // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 67.

[5] *Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игоревомъ, историческая поема, писанная въ начале XIII вѣка... М., 1823. С. 55; *Миллер Орест.* Опыт истори-

ческого обозрения русской словесности... 2-е изд. СПб., 1855. С. 370; *Шторм Георгий.* Перевод // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 135.

[6] *Маньковский Н. И.* Слово о полку Игореве: Лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915. С. 39; Слово о полку Игореве / Ритм. перев. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1960. С. 69. (Лит. памятники); Слово о полку Игореве / Перев. Д. Минаева. М.: Сов. писатель, 1938. С. 129; Слово о полку Игореве / Перев. И. Новикова. М.: Худож. лит., 1938. С. 69.

[7] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 4. Л., 1973. С. 155.

[8] Общевоинские Уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994. С. 363–364.

[9] Перевод М. Тарловского (Слово о полку Игореве. М.: Сов. писатель, 1938. С. 303).

[10] *Лихачев Д. С.* Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 72.

[11] *Барсов Е. В.* Слово о полку Игоревѣ, как художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Ч. 2. М., 1885. С. 58.

[12] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 452; *Стеллецкий В. И.* Комментарии // Слово о полку Игореве. М., 1965. С. 186; *Дмитриев Л. А.* Комментарии // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 280. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[13] Цит. по: *Нечволодов А.* Сказания о Русской земле. Кн. 2. М., 1991. С. 167 (перепечатка изд. 1913 г.).

[14] ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 151.

[15] *Черная Л. А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991. С. 61.

[16] *Ржига В. Ф.* «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 175.

[17] Общевоинские Уставы... С. 165.

[18] *Дмитриев Л. А.* Комментарии // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 280. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[19] *Жуковский В. А.* Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. М., 1938. С. 89; *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический... С. 452; *Шторм Г. П.* Слово о полку Игореве. М., 1935. С. 88.

[20] *Югов А. К.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1985. С. 93–94.

[21] Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова / Объяснительный перевод Д. С. Лихачева // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 96 (Лит. памятники).

[22] *Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. М., 1999. С. 129, 131.

[23] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М., 1993. С. 476.

[24] *Мещерский Н. А, Бурыкин А. А.* Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 100. Здесь авторы статьи высказывают некоторые сомнения в сохранности аутентичного текста: «не совсем ясно... о какой "прадедней славе" может идти речь... По-видимому в тексте лакуна».

[25] *Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе... С. 133.

[26] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 476—477.

[27] *Лихачев Д. С.* Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л., 1953. С. 76—77. (Б-ка поэта. Малая сер.); Слово о полку Игореве / Перев. Г. Шторма. М., 1935. С. 48.

[28] *Николаева Т. М.* «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста // «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997. С. 73.

[29] Разночтения к «Переложению Слова о полку Игореве» В. А. Жуковского из копии А. С. Пушкина // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 373. (Лит. памятники).